

ИСТОРИЯ
ЗАПОВЕДНОГО
ДЕЛА

PROTECTED
AREAS –
HISTORY OF
CONSERVATION

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «БЕЛОГОРЬЕ» • КОМИССИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПО СОХРАНЕНИЮ БИОЛОГИЧЕСКОГО
РАЗНООБРАЗИЯ • НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА И
РАБОТЕ ЗАПОВЕДНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ • ЦЕНТР
ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

STATE NATURAL ZAPOSEDNIK «BELOGORIE» • THE COMMISSION ON BIODIVERSITY
CONSERVATION OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE • SCIENTIFIC COUNCIL ON
PROBLEMS OF PROTECTED AREAS MANAGEMENT AND NATURE RESERVES OF THE
NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE • BIODIVERSITY CONSERVATION
CENTER

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
MATERIALS OF THE INTERNATIONAL
SCIENCE CONFERENCE

ИСТОРИЯ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА PROTECTED AREAS – HISTORY OF CONSERVATION

УДК 504.7.006+504(091)

История заповедного дела: Материалы международной научной конференции. — Борисовка, 2005.— 209 с.

Protected Areas — History of Conservation: Materials of the International Science Conference.— Borisovka, 2005.— 209 p.

ISBN 5-8125-0790-2

В сборник включены материалы, представленные на международной научной конференции «История заповедного дела». В работах охвачен широкий круг вопросов по истории территориальной охраны природы, преимущественно на территории бывшего Союза ССР: классические принципы и развитие научных основ заповедного дела; организация, становление и деятельность (охрана, научно-исследовательская работа, экологическое просвещение и др.) особо охраняемых природных территорий; международное сотрудничество в области заповедного дела; взаимодействие особо охраняемых природных территорий с научно-исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями, отечественными и международными общественными организациями и фондами; природопользование на особо охраняемых природных территориях в историческом прошлом; выдающиеся деятели заповедного дела; заповедный фольклор. Особое внимание удалено истории организации и становления государственного природного заповедника «Белогорье» (до 1999 года «Лес на Ворске»), к 80-летию которого была приурочена конференция. Книга представляет интерес для специалистов по охране природы и заповедному делу, биологов, географов, историков, краеведов.

The collected articles include materials which were presented at the international scientific Conference «Protected Areas — History of Conservation». There is a wide range of issues on the history of the territorial nature conservation in the former USSR in the book: classic principles and development of scientific basis for protected areas; creation, formation and activity (protection, scientific researches, ecological education etc.) of protected areas; international cooperation in this field; protected areas' partnership with the scientific and teaching institutes, national and international public organizations and funds; natural resources' management in the historical past; outstanding activists of the past in the conservation of protected areas; folklore of the protected areas. An important place is given to the creation and development of zapovednik «Belogorie» (until 1999 it was named «Forest on the Vorskla river»). The Conference was dated to this strict nature reserve 80-th anniversary. The book is useful for nature conservation and protected areas specialists, biologists, geographers, historians.

Редакционная коллегия: А. С. Шаповалов (ответственный редактор), Т. М. Корнеева, Л. В. Кулешова, Ю. Д. Нухимовская

Редакторы-составители: Т. М. Корнеева, Ю. Д. Нухимовская

Художник В. В. Козьмин

Книга издана при финансовой поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров

Формат 60x84/8. Печ. л. 26,0. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Заказ № 201. Тираж 250 экз.
Отп. в ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.

ISBN 5-8125-0790-2

© Государственный природный заповедник «Белогорье»

© Комиссия Российской академии наук по сохранению биологического разнообразия

Вайнер (Уинер) Д. Р. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991.

Горышнина Т. К. К истории заповедника «Лес на Ворскле» // Комплексные исследования биогеоценозов лесостепных дубрав. Межвузов сб. Л., 1986. С. 3–18.

Горышнина Т. К. «Лес на Ворскле» в документах и преданиях: Исторический очерк. СПб: Изд-во С.-Петербурга, 2004. 48 с.

Данилов В. И., Штильмарк Ф. Р. Исповедь, оплаченная жизнью // Охотничьи просторы. Кн. I. М., 1994.

Дитмар Б. П. Охрана природы в России (Исторический очерк) // Охрана природы. 1928, № 5. С. 25–28.

Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1969. 304 с.

Кириков С. В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX вв. М.: Наука, 1979. 183 с.

Краснитский А. М. Проблемы заповедного дела. М.: Лесн. пром-сть, 1983. 191 с.

Кузнецов Н. И. Весьма важный памятник природы «Лес на реке Ворскле» // Природа. 1926. №5-6.

Лес на Ворскле // Лесная энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 510.

Лес на Ворскле // Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 704.

Малышев С. И. Лес на реке Ворскле // Охрана природы. 1928. № 6. С. 10-13.

Методическое пособие по проектированию заповедников и республиканских заказников в РСФСР: Раздел II. Справочные материалы о формировании сети заповедников в СССР. М., 1973. С. 7, 85.

Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч.1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М., 1894.

Охрименко И. Г. Возникновение Борисовки и образование Борисовской вотчины Шереметевых // Борисовка: Исторические очерки. Белгород: Изд. дом «В. Шаповалов», 2000. С. 63-70.

Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль, 1978. 295 с.

Северцов С. А. Заповедники СССР (По материалам Главнауки) // Охрана природы. 1929. № 3. С. 93-96.

Стекольников А. А. К 70-летию заповедника Санкт-Петербургского университета «Лес на Ворскле» // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1993. Сер. 3. Биология. Вып. 4. № 24. С. 3-9.

Халифман И. А. Четырехкрылые корсары. М.: Детск. лит-ра, 1978.

Штильмарк Ф. Р. Историография российских заповедников (1895-1995). М.:ТОО «Логата», 1996. 340 с.

нок (из 16-ти). Когда Сергею Ивановичу было 3 года, семья переехала в Курск, купив дом на Третьей Мещанской улице (ныне ул. Чехова).

Серёжа очень любил животных и подолгу их наблюдал. Дети в семье священника воспитывались строго: за пустое времяпровождение наказывали. Но Серёжа сумел убедить родителей, что наблюдение за природой это тоже труд. Видимо поэтому его первые наблюдения носили характер именно труда, а не развлечения. Первые записи с зарисовками своего «зоосада» появились сразу с овладением грамотой. А зоосад у него был не маленький: уж в яичке, мыши в клеточках, жабы, голубь и петух.

В первом классе Серёжа уже составил свой журнал о наблюдении за поведением насекомых и других животных и... остался на второй год. Журнал ежегодно совершенствовался, переписывался и в единственном рукописном варианте получил название: «Из жизни русской природы Курского уезда». А первая научная работа «Топографическая способность насекомых» была выполнена Сережей еще до поступления в университет. Как насекомые ориентируются в пространстве? Откуда у них берётся знание? Изучению источника этого «знания» в природе и решил Серёжа посвятить свою жизнь.

Он получил блестящее образование в гимназии, Курской семинарии, Юрьевском и Петербургском университетах. По окончании курса в 1911 г. он был оставлен при кафедре зоологии для подготовки к профессорскому званию. Сергей Иванович рассказывал, что сначала было предложено две кандидатуры – он и А. А. Любичев. Накануне заседания Учёного совета Петербургского университета в кабинет ректора Владимира Михайловича Шимкевича прошёл, безуказиценно по европейски одетый отец Александра Александровича – крупнейший лесопромышленник-миллионер, который не раз финансировал экспедиции университета и оплачивал летнюю практику всего курса на берегу Белого моря. (А Сергею Ивановичу приходилось подрабатывать уроками, его не раз выручала студенческая столовая, в которой всегда для малоимущих студентов были бесплатный кипяток, ржаной хлеб, гречневая каша и соль – это вполне спасало от голода). «У меня – упало сердце» – вспоминал Сергей Иванович, но на следующий день Учёный совет единогласно проголосовал за него. Следует отметить, что это обстоятельство не омрачило их дружбы с Александром Александровичем, который писал – «о смерти моего старого друга я узнал из частного письма», см. его некролог на смерть С. И. Малышева в настоящем сборнике.

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА МАЛЫШЕВА

Д. С. Малышев

В семье сельского священника Ивана Ильича и Екатерины Павловны Малышевых 17 марта (по новому стилю 30 марта) 1884 года в селе Пузачи Тимского уезда Курской губернии родился тринадцатый ребёнок (из 16-ти). Когда Сергею Ивановичу было 3 года, семья переехала в Курск, купив дом на Третьей Мещанской улице (ныне ул. Чехова).

Революционная разруха застала Сергея Ивановича магистром зоологии и сравнительной анатомии, ассистентом при кафедре зоологии Петербургского университета в экспедиции в Миуссерах, где затем, в послевоенные годы, им будет организован Пицундский заповедник, в котором удалось сохранить малую толику от былого великолепия. Тогда, в 1919 г., здесь пропало все экспедиционное оборудование и самое главное – сборы. Восполнить эти сборы впоследствии стало невозможным. Работавший здесь в 30-е годы лесопильный завод и мелиоративные работы изменили циркуляцию грунтовых вод, что навсегда изменило природу Пицунды – и ушли в прошлое древнейшие формы наездников и пчелиных.

Сюда он любил приезжать до конца своих дней. Тяжело переживал в 60-е годы рубку самшитово-тиссовой рощи по приказу Хрущева. Возраст отдельных деревьев в роще приближался к 7 тысячам лет, а многие экземпляры сосны пицундской во вполне здоровом состоянии были старше двух тысяч лет!

В 1966 г. Сергей Иванович в последний раз возвращался из Пицунды в Ленинград. Поезд шёл через Белгородскую и Курскую землю. По еле заметным очертаниям в сгустившихся сумерках Сергей Иванович узнавал родные места. Здесь он впервые зарисовал лося, а здесь – шмелей, тут узнал цератину.

А тогда в 1919 г. он пришёл сюда пешком. Здесь, в семье настоятеля женского Тихвинского монастыря протоиерея Вениамина Степановича Пузанова, его ждали. С дочерью отца Вениамина – Евдокией он венчается в 1921 г., на праздник Рождества Богородицы. На свою свадьбу он ехал на велосипеде из Курска с благословением своих родителей – громадным букетом роз. Ехал ночью, чтобы розы не завяли от дневной жары.

Нагорная дубрава в Борисовке единственная и неповторимая, фауна, сохранившая в себе черты до-ледникового периода! Только здесь сохранился её остаток. Только здесь сохранился остаток девственных дубрав, ещё не утративших своей первичной структуры, памятник некогда обширной зоны широколистенных лесов Евразии. Здесь всё было знакомо с детства – первая оценка фауны пчелиных, первые коллекции, собранные ещё в гимназические и семинарские годы – они до сих пор хранятся в Зоологическом институте РАН. Где как не здесь расшифровывать поразительные тайны инстинкта и удивительное понимание в частности между насекомыми и растениями в удивительно слаженном механизме флоры и фауны! Закипела работа – жена Евдокия Вениаминовна изу-

четает таксидермию и скрупулезно, экспонат за экспонатом, создаёт музей будущего заповедника, метеорологическую станцию, ведёт всю документацию. Вскоре под руководством Сергея Ивановича в монастырских зданиях создаётся Зоопсихологическая станция института им. Лесгафта, работы которой стали классическими и широко известны по сию пору. Пассажирские поезда тогда не ходили. Для того чтобы добраться до института Лесгафта в Петроград, Сергею Ивановичу приходилось наниматься истопником в почтовые вагоны.

И музей, и метеостанция, и лаборатории станции размещаются в родном священническом доме. А пасека отца Вениамина превращается в полигон для тончайших исследований инстинкта *Apis mellifera*. За эти работы американское общество по изучению медоносной пчелы присваивает Сергею Ивановичу звание «Пчелиного короля». Обширный сад, в который вложили душу семь поколений, становится настоящим ботаническим садом – более тысячи редких растений, число которых ежегодно пополнялось новыми видами с Крыма, Кавказа и из других ботанических садов.

В то же время в Борисовке С. И. Малышев ведет активнейшую просветительскую работу. Он неутомимо выступает с докладами и лекциями о необходимости сохранения живой природы и ее уникального кусочка – заказной рощи. Результатами его усилий явились с одной стороны организация государственного заповедника «Лес на Ворскле», а с другой – неслыханные (стандартные для тех лет) доносы и обвинения – «вы сохраняете лес для возвращения Шереметьева» и др. В 1924 г. тучи над головой Сергея Ивановича стали сгущаться. Его «дело» было поручено начальнику районного управления НКВД – Медведю. Товарищ Медведь оказался честным тружеником. «Я его не раз видел во время экскурсий в музей и заповедник» – вспоминает Сергей Иванович. Для ареста... его пригласили с докладом в областное управление НКВД. Домашние провожали его как на верную смерть. Однако доклад был столь блестящим и убедительным, что Сергей Иванович не только не был арестован, но ему даже были выделены средства на устройство ограждения заповедника. Однако, С. И. Малышев как «половский сын» все-таки был уволен отовсюду: и из института Лесгафта и из Университета, и из заповедника. В родной дом было уже не войти, в саду ценные виды растений скормливались кроликам, в музее сидрали этикетки с экспонатов и особенно надписи о тех, кто эти экспонаты сделал

Спустя сорок лет, ему пришло приглашение приехать сюда, в заповедник. Я помню его долгие уже старческие шаги из угла – и тихий, короткий ответ: «не могу».

Почти половина жизни была уже позади. Снова хождение с бумагами по инстанциям и в результате Сергею Ивановичу в 1936 г. удается организовать Хопёрский заповедник. Здесь пересекаются фауны нескольких зоogeографических провинций. Леса в основном представлены пойменной дубравой. В изобилии встречаются редчайшие осы (*Scolia, Larra*), уникальная карликовая ксилокопа (*Xylocopa iris*), разнообразие одиночных пчёл, наездников (*Gasteruption*). Контора заповедника располагалась в селе Варварино, где два года проработал Сергей Иванович в должности зам. директора по науке. В этот период под его руководством составлено уникальное описание флоры и фауны заповедника. Спустя почти полвека в мои аспирантские годы мне довелось быть в Варварино и услышать как местный житель, колаясь в моторе автомобиля, вдруг произносит химическую формулу – название одной из сложнейших аминокислот – мы замерли, затем, последовало название фенолфталеина... «До войны здесь жил профессор он нас так научил ругаться...». К началу войны Сергею Ивановичу была присвоена учёная степень доктора биологических наук (утверждена ВАК при ВКШ в 1938 г.) и учёное звание профессора (утверждено в 1939 г.).

И снова доносы и обвинения в контрреволюции. В результате Сергей Иванович вынужден был оставить пост заместителя директора и перебраться на кордон Калиново. «Думали, что приехали в экспедицию на летний сезон». Но началась война. Спасли пчёлы из пасеки отца Вениамина, которых он всюду возил с собой в его же ульях. Селекцию этих пчёл Сергей Иванович начал еще в юности в Борисовке и не прекращал всю жизнь. Они были более миролюбивы, более холодостойки, дольше брали взяток, матки были более плодовиты, а главное, у них был на миллиметр-полтора длиннее хоботок. Благодаря этому они брали взяток с бобовых растений, недоступных обычным пчёлам. Местные пчеловоды сразу оценили новых пчёл.

С юности Сергей Иванович много работал. В студенческие годы способен был учить английский по 14 часов в сутки. Переписывался с коллегами и имел научные труды на английском, немецком, французском, испанском, итальянском языках, читал и шитировал латынь и греческий. Страстная и щитливая любовь к природе сохранялась у него всю жизнь. Он любил записывать фенологические наблюдения, отме-

чая, что и когда распустилось, прилетело, запело, расцвело. О природе он, казалось, знал всё, не только «своих» перепончатокрылых, но и бабочек и мух, а также растения и одноклеточные – все были его «знакомыми».

Удивительны были встречи друзей однокурсников: С. И. Малышева, А. А. Любичева, Б. П. Уварова, Ф. Г. Добжанского. Речь их была поразительно точной и красивой, без лишних слов и жаргона. Дивная свобода мысли, проникающая всюду и понимание казалось бы невозможного. Александр Александрович говорил о соответствии биологических и математических законов, Федор Григорьевич о том, что белковые структуры – летопись от начала мироздания, Борис Петрович о сигнальной системе природы. По их мнению, в природе есть ещё, по крайней мере, один вид передачи информации, пока не открытый человечеством. Он не основан ни на одном из известных видов энергии, однако широко используется всей фауной и видимо флорой в первую очередь, как сигнальная система. Например, как наездник *Simthomaspis evritoma*, находясь внутри косточки сливы в подстилке сада, реагирует на появления своего хозяина *Evritoma amigdali*, находящегося тоже внутри, только другой косточки сливы? Легче всего этот вид информации можно заметить у перепончатокрылых, обладающих сложнейшим поведением, реагирующих на множество сигнальных систем. Например, у наездников, паразитирующих на одиночных пчёлах гастеруптидах (*Gasteruptidae, Parasiitica*), эта система рецепторов заключена всего лишь в нескольких клетках. Теория естественного отбора Ч. Дарвина без учета этой сигнальной системы не может удовлетворительно объяснить почти одновременные изменения всей системы биоценоза в целом. Поэтому С. И. Малышева называли «неортодоксальным дарвинистом». В связи с этим целесообразно придать заповеднику «Лес на Ворске» особый статус в исследовании по Ворске» особый статус в исследовании поведения *Hymenoptera, Insecta*.

О СЕРГЕЕ ИВАНОВИЧЕ МАЛЫШЕВЕ

(НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ НЕКРОЛОГ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА МАЛЫШЕВЫХ)

А. А. Любичев

...Счастливее судьба другого моего знакомого энтомолога фабровского духа, товарища по университету, Сергея Ивановича Малышева, скончавшегося 9 мая 1967 года. Он прожил долгую жизнь 83 года и до самой смерти работал. Он умер от инсульта в пути в Мо-

ске (он жил в Петербурге), направляясь в Хоперский заповедник, где должен был продолжать свои наблюдения над насекомыми. Он был счастлив в семейной жизни: его супруга и дочь были ему помощниками в работе, он имел двух дочерей и дожил до внуков. В одной американской сводке по биологии диких пчел я прочел такие слова: «биологией пчелиных занимался ряд выдающихся натуралистов Ремюр, Фабр, Малышев». Малышев был убеждённым эволюционистом (не был ортодоксальным дарвинистом) и написал по эволюции его любимого отряда перепончатокрылых книгу в двух редакциях. Последняя редакция вышла в 1966 году «Становление перепончатокрылых и фазы их эволюции». Она вышла тиражом в 1100 экземпляров и, конечно, сразу же была распродана. Но научная литература вообще находится у нас на голодном бумажном пайке: бумага же требуется для миллионных тиражей «Огонька», «Работницы», «Крестьянки» и др., и наши руководящие няни заботятся, прежде всего, о том, чтобы изданная книга была немедленно распродана. Правда, сейчас эта книга уже вышла на английском языке, под редакцией Б. П. Уварова, и там она конечно, так скоро из магазинов не исчезнет, несомненно, это очень оригинальная книга, плод долгих размышлений выдающегося знатока перепончатокрылых. Сергей Иванович оставил хорошее научное наследство. В некрологе, написанном профессором И. Д. Стрельниковым в «Энтомологическом обозрении» (1968, т. 47, стр. 688-693 (приведён список 84 его работ, причём иногда один номер охватывает большое число статей /до 45, см. №67) , помещённых в справочных изданиях.

Сергей Иванович интересовался не только дикими пчёлами и осами, но и медоносной пчелой и внес ряд ценных практических предложений. Искусственный вывод маток – 100%, что важно при распространении ценных пород пчёл, искусственное оплодотворение маток, пчеловождение с несколькими (3-4) матками, в одном улье, прибор для получения мёда из улья без центрифуги и др. Он не замыкался в свою учёную деятельность, много сделал по охране природы. Его непосредственное обращение к В. И. Ленину встретило решительную поддержку. Он участвовал в создании одиннадцати фильмов, посвященных инстинкту и жизни насекомых. Но мы знаем судьбу таких фильмов, где нет любви, шпионов и детектива. Даже полнометражные, вроде исключительного по выполнению фильма «Лесная быль» (из жизни бобров) быстро сходят с экрана, а короткометражные в лучшем случае показываются в качестве введения к полнометражным без объявления в газетах. Поэтому

лично мне, который с удовольствием посмотрел бы фильмы с участием С. И. Малышева, не пришлось их видеть ни разу.

Если добавить, что Сергей Иванович был избран почетным членом Всесоюзного энтомологического общества, то, как будто получаем вполне благополучную ситуацию. Конечно, его судьба многое благополучнее судьбы многих учёных СССР (вспомним Вавилова, Карпетченко, Левитского, Сабина, Тулайкова, Минина, Филиппьева, Знаменского и многих других: синодик наших безвременно погибших учёных, вероятно, превысит синодик бояр, погубленных Иваном Грозным) и напечатанная биография-некролог его выглядит вполне благопристойно, если только не прибавить, что по вине ли автора или редакции в ней широко применена, как говорят в теории словесности, «фигура умолчания». Полезно отметить то, что не отмечено в биографии, и при этом сравнить биографию С. И. Малышева с таковой Фабра, заключение которого подробно разъяснены в книге Васильевой и Халифмана.

Разберу поэтому последовательно его служебную карьеру, отношение к нему индивидуальных учёных, научных коллективов, руководящих организаций и постараюсь выяснить причины этого отношения.

Сергей Иванович уже в 1913 г. получил степень магистра зоологии и сравнительной анатомии, и с 1915 года он работал и доцентом Юрьевского университета. Всю жизнь он работал и давал прекрасную по качеству научную продукцию. Это, однако, не помешало тому, что в 1931 г. он был уволен из института Лесгаста и из созданного им заповедника «Лес на Ворскле». В институте мозга его лабораторию сократили. Краса русской науки И. П. Павлов пригласил его работать в ВИВИЭМ и собирался создать институт инстинкта, но в 1936 г. умер академик И. П. Павлов, лабораторию закрыли, и Сергей Иванович оказался ряд месяцев без работы. Потом академик Л. А. Орбели пригласил С. И. Малышева и дал ему лабораторию в Колтушах, но в 1950 г., после печально известной сессии по поводу «поддержки» учения Павлова (которое ни в какой поддержке не нуждалось), всю лабораторию закрыли, и Орбели вместе с Сергеем Ивановичем выгнали из Колтушей. Тут уж была пенсия, но для работы в поле нужны были работники технические: через президиум Академии наук Сергей Иванович был причислен к опальной группе Орбели в институте Лесгаста. После смерти Сталина «реабилитированный» Орбели организовал свой институт им. Сеченова и там успешно работал Сергей Иванович, перевыполняя план, но умер Орбели, умер Гине-

цинский, и в 1963 году Сергея Ивановича неожиданно уволили по сокращению штатов, хотя после долгих хлопот, спустя 9 месяцев устроили как консультанта, но без всякого лаборанта, что по возрасту ему было очень тяжело. Конечно, можно сказать, что старым ученым надо уходить на пенсию вовремя и лавить дорогу молодым. Если бы был закон предельного возраста, применимый для всех без исключения, то тут и спорить было бы трудно, но у нас такого закона нет и всякий знакомый с научными сферами знает, какое огромное количество всяких бездельников продолжают оставаться на своих местах и после пенсионного возраста. Особенно это касается академиков и членов-корреспондентов наших академий: господствует принцип индульгенций (снисходительности). Даже совершенные бракоделы, приносящие огромный вред науке и сельскому хозяйству, вроде Лысенко, сохраняют свое академическое кресло и хорошо оплачиваемые должности.

А менее ярких фигур можно насчитать десятки. Здесь же применили несуществующий закон к редкому человеку, высокие качества работ которого было бесспорно, и который сохранил свежесть ума и работоспособность вплоть до позднего возраста.

Причина этого не в том, что Сергея Ивановича не понимали многие выдающиеся учёные. Уже в университете на него обратил внимание профессор, потом академик В. М. Шимкевич и тщательно поддержал его. Его поддержали академики И. П. Павлов, Л. А. Орбели, член-корреспондент Гинецинский и другие, но все они по очереди умирали. А вот коллеги-учёных отнеслись к Сергею Ивановичу гораздо более холодно. Его ни разу не выдвигали в члены-корреспонденты Академии наук СССР или какой другой академии, хотя, несомненно, по оригинальности направления и качеству работы он был много выше многих членов-корреспондентов и даже академиков. Сейчас существует обычай периодически чествовать ученых при достижении ими определенного (60-, 70-, 80-летнего) возраста. О Сергее Ивановиче не вспомнили ни разу и первая печатная биография появилась после его смерти. Он был избран почётным членом Энтомологического общества (в котором состоял с 1913 года) только за 2 месяца до своей смерти, в марте 1967 года. В 1968 г. был Международный Энтомологический конгресс в Москве. В обзорных речах принято упоминать о недавно (между двумя конгрессами, происходящими через 4 года) почивших выдающихся учёных: это забыли сделать.

Я уже упомянул, что Сергей Иванович два раза получал премии, но какие? В 20-х годах на с/х выставке он получил премию 3-й степени и ей вручи-

ли дымарь за 100% искусственный вывод пчелиных маток (первая премия была присуждена за оригинальную упаковку мёда). Недели за две до его последнего отъезда в Хопёрский заповедник Сергей Иванович был премирован премией им. Римского-Корсакова за последнюю книгу. Премия невелика, но всё-таки это настоящая научная премия. Но не надо забывать, что последняя книга содержит взгляды С. И. Малышева на эволюцию перепончатокрылых. При всей её специфичности, она менее специфична для того направления, которому всю жизнь следовал Сергей Иванович.

Ну, а начальство научное и не научное? В 1950 г. комиссия, ликвидировавшая Орбели и Малышева из Колтушской, сказала: «Нам Фабры не нужны». Грубо и невежественно, но, по крайней мере, откровенно. В менее грубой и внешне культурной форме это и есть та причина, по которой терпели от массы учёных и Фабр и Малышев. Их отрасль науки не модна, не фешенебельна, и поэтому, хотя и не преследуется, но особенно и не поощряется, она только терпима для массы учёных, часто гонящихся за новейшими учениями. Это хорошо понимал умный проф. Шимкевич, который дружески советовал Малышеву сделать работу анатомического характера или эмбриологическую, — так как если у него будут работы только по биологии насекомых, то это затруднит его академическую карьеру. А он, ещё будучи в семинарии (его отец был священником), настолько хорошо ознакомился с биологией пчелиных Курской области, что его сборы составили ценную часть коллекции Зоологического музея АН СССР и до университета он написал свою первую статью «Топографические способности насекомых». И вот о смерти моего старого друга я узнал из частного письма почти через два года после его смерти. Поэтому не будем корить Францию за недостаточное внимание к Фабру. Мы тоже не ангелы. Не будем замечать сучка в глазу других, если в собственном торчит довольно солидное бревно.

г. Ульяновск, 19 февраля 1969 года

С. И. МАЛЫШЕВ И
ЛЕС НА ВОРСКЛЕ

Е. Ю. Аникеенко
Государственный природный заповедник «Белогорье»
п. Борисовка, Белгородская обл., Россия

Организация заповедника «Лес на Ворскле» непосредственно связана с именем профессора С. И. Малышева, который в 1919 г. был направлен Естественно-научным институтом им. П. Ф. Лесгафта (Петербург) в слободу Борисовка для организации Зоопсихологической станции. Поскольку с организацией

психологической станции возникли проблемы и отсутствовали средства к существованию, Сергею Ивановичу пришлось совмещать научные исследования с преподаванием в местной школе. Тем более поразительно, что именно в сложное время гражданской войны и послевоенной разрухи он поднимает вопрос и начинает хлопоты об организации заповедника на месте бывшей графской «Заказной рощи».

С. И. Малышев так описывает состояние уникальной дубравы и отношение к ней местного населения в то время: «Годы разрухи и гражданской войны тяжело задели «Заповедь». Ничего не слыша об охране памятников природы, население видело в «Заказной роще» только графское состояние, и захваченное волной революции устремилось в лес. Затрещали сучья и верхушки лесных великанов; загремели беспощадные выстрелы, уничтожая лесную дичь. Само лесничество приняло в этом большое участие и подавало дурной пример. Оно набирало у населения сотни голов рогатого скота и гоняло его по лесу во всех направлениях, а в довершение всего приступило к планомерной рубке леса. Так, при последнем управляющем Шереметеве был варварски повален 9-й квартал, – один из лучших участков «Заповеди». Тогда же были перебиты в «Заповеди» и все косули, причем некоторые из охотников «хвалились, что ими было убито свыше двух десятков этих животных, и указывали даже место, где упала последняя жертва их варварства. Так быстрым темпом и, казалось, неудержимо шло истребление «Заповеди» (Малышев, 1928).

Понимая, что нужны законодательные меры охраны уникального природного комплекса и разъяснительная работа среди местного населения, 30 января 1920 г. на собрании культурно-просветительской комиссии в Борисовском обществе «народный дом» Сергей Иванович делает доклад «Об охране природы и устройстве защитного участка в Борисовской лесной даче». Выступает на местных сходах, в избах-читальнях, школах и других организациях, настойчиво обращается во властные структуры всех уровней о необходимости сохранения уникального лесного массива и организации заповедника.

Благодаря усилиям С. И. Малышева, в 1922 г. была организована Зоопсихологическая станция Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта. А 28 февраля 1924 г. Главное управление научных учреждений (Главнаука) Народного комисариата просвещения (Наркомпрос) возложило на Зоопсихологическую станцию в слободе Борисовка «наблюдение права контроля над охраной Заповедника «Лес на Ворске» с правом привлечения лиц винов-

ных в нарушении декрета от 16.09.21г. по ст. 107 и 99 Уголовного Кодекса»¹. С этого времени ведется отсчет времени заповедника «Лес на Ворске».

Вместе с тем, в предоставленном в отдел охраны природы Главнауки Наркомпроса отчете по заповеднику «Лес на Ворске» за первый квартал (октябрь – декабрь) 1924 года, С. Малышев пишет: «При отсутствии штата и каких-либо денежных средств намеченных работ по заповеднику «Лес на Ворске» за отчетный период не велось»². В 1925 г. Наркомпрос впервые выделил субсидии на содержание заповедника³, в том числе для найма работников (управляющий, 2 сторожа). Как следует из отчета за 1924-1925 финансовый год управляющего заповедником «Лес на Ворске» Л. А. Аренса, сделано было многое: произведено обследование территории, выкопана почти 300-метровая пограничная межевая канава, начато устройство проволочных заграждений, осуществлен посев семян колючих кустарников для устройства живой изгороди, установлено 14 аншлагов, основан музей с 22 экспонатами, положено начало комплектованию библиотеки и др.

Становление заповедника проходило в достаточно сложных условиях. Как явствует из переписки заповедника в 1925 г., грубые нарушения режима заповедности были весьма распространенными. Так, только в течение трех летних месяцев лесным сторожем заповедника Гарькавым на порубщиков было составлено 17 актов. Отдельные нарушители угрожали сторожу убийством и поджогом дома. Волостная милиция мер к нарушению не принимала. «В начале работ заповедника, – докладывал С. И. Малышев на 1-м Всероссийском съезде по охране природы в 1929-г., – приходилось выдержать с окрестным населением героическую борьбу, доходило до того, что своими руками отбивали лес от порубщиков» (Труды 1-го Всероссийского Съезда по охране природы, 1930).

Усилиями сотрудников проводилась просветительская работа среди местного населения. В Книге отзывов Музея природы сохранились следующие благодарственные записи посетителей: «Ценным для работ экспедиции были сведения по природе края, сообщенные ...руководителем заповедника проф. С. И. Малышевым и научными сотрудниками...»; «...заботы об улучшении научной работы имеются, это видно из того, что лес уже ожила, от того хищения, которое было в прошедшие годы»; «...прошу проф. Малышева не отказать в любезности ознакомить рабочих

¹ ГА РФ. Ф. А – 2307. Оп. 9. Д. 232. Л. 78.

² ГА РФ Ф. А – 2307. Оп. 10. Д.390. Л.23.

³ ГА РФ. Ф. А – 2307. Оп. 10. Д. 369. Л. 29.

лесного хозяйства с историей заповедника и с целью своих научных работ...».

Весьма плюдоворной была научно-исследовательская работа С. И. Малышева и его со-трудников Л. Е. Аренса, Е. В. Пузановой и других по изучению инстинктов жалящих перепончатокрылых – за 10 лет было опубликовано выше 80 материалов. Сам Сергей Иванович опубликовал за этот период 43 статьи, из них 9 в иностранных изданиях (Стрельников, 1968).

В 1929 г. С. И. Малышев был делегатом на 1-м Всероссийском съезде по охране природы, где выступил с докладом «О внедрении идеи охраны природы в массу населения» (Труды 1-го Всероссийского Съезда по охране природы, 1930).

Тридцатые годы ознаменовались поворотом от охраны природы к природопользованию в интересах социалистического строительства (Штильмарк, 1996). Наступление на заповедники не могло пройти мимо Леса на Ворске. 15 июня 1930 г. на заседании Президиума Белгородского Окружного профессору Малышеву указывалось, что «... работа Заповедника и Станции ... не носит общественный характер. Слабая связь с окружающим населением не позволила Станции развить проверку своих опытных достижений в колхозах и провести практические работы в них». Летом 1931 г. руководством Научного института им. П. Ф. Лесгафта была проведена ревизия Зоопсихологической станции, которую возглавлял зам. директора института Забрежнев. В Книге отзывов Музея природы Забрежневым сделана следующая запись от 16 августа 1931 г.: «Однако, сделанное ими (сотрудниками) – не то, чего ждет и требует наша Партия и Советская власть от своих ученых... работы их не освещались применением метода диалектического материализма, они не велись в тесной связи с окружающим трудовым населением...». Проверяющие требовали вовлечения партийных, просветительских, производственных, кооперативных организаций в жизнь и работу заповедника для отвлечения сотрудников от «голых абстракций, сближения их работы с нуждами социалистического строительства». Работа проф. С. И. Малышева и его сотрудников оценивалась как стоявшая «на предварительной научной стадии – описательной». Подобные выводы не могли остаться не замеченными. Уже 1 октября 1931 г. вышел приказ Главнауки (объяснительная записка С. И. Малышева от 20.11.1931 г. Фонды Белгородского государственного историко-краеведческого музея) о ликвидации научной и прикладной продукции Зоопсихологической Станции.

Интересно отметить, что на оборотной стороне одной из страниц полевых наблюдений С. И. Малышева была обнаружена запись «Лепешинская, 3/XII.31г». Именно Лепешинская, отметившая «присутствие во многих заповедниках неблагонадежных элементов и засоренность системы подозрительными личностями» вошла в 1935 г. в состав специальной комиссии по проверке заповедников (Штильмарк, 1996). Возможно, что она сыграла свою роль и в дальнейшей судьбе ученого. В 1934 г. семья Малышевых выехала из п. Борисовка в Ленинград и Сергей Иванович никогда более не был в Лесу на Ворске.

Литература

Малышев С. И. Лес на Ворске. Охрана природы. 1928. №6. С.10-13.

Стрельников И. Д. Памяти Сергея Ивановича Малышева (1884 – 1967) // Энтомологическое обозрение. Л.: Наука, 1968, Том XLVII. Вып. 3. С 688-693.

Труды 1-го Всероссийского Съезда по охране природы. Под редакцией М. П. Потемкина, Б. П. Дитмарса и С. А. Северцова. М., 1930. С. 134-136.

Штильмарк Ф. Р. Историография Российских заповедников (1895 – 1995гг). М.: ТОО «Логата», 1996. С.134 – 136.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЗАПОВЕДНИКЕ «БЕЛОГОРЬЕ»: ОТ С. И. МАЛЫШЕВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

А. И. Мезенцев

Государственный природный заповедник «Белогорье»
п. Борисовка Белгородской обл., Россия

С самого начала образования государственного природного заповедника «Лес на Ворске» в 1924 г. профессор С. И. Малышев придавал первостепенное значение разъяснению местным жителям важности сохранения уникальной вековой нагорной дубравы – бывшей графской «Заказной рощи».

С. И. Малышев хорошо знал этот лес еще с дореволюционного времени, когда будучи студентом Санкт-Петербургского университета, проводил энтомологические исследования во владениях графа Шереметева (Малышев, 1928) и, вновь приехав в эти места, решительно встал на его защиту. Он обращался с письмами о необходимости организации заповедника в самые разные инстанции, вел активную разъяснительную работу среди населения (Горышна, 2004).

Принципиальная позиция С. И. Малышева в отношении необходимости «внедрения идеи охраны природы в массу населения» прозвучала на 1-м Всероссийском съезде по охране природы в 1929 г. (Тру-